

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Д.М. Креленко

ЭЛЕМЕНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ФЕНОМЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ «РОССИЯ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ. ОБРАЗЫ И ТЕКСТЫ»

Столетний юбилей любого значительного события в истории человечества – вежа традиционно важная и, как правило, знаменующая формирование устойчивой национальной идейной парадигмы относительно тематики. За столетие поэтапно с интервалом лет в 25 следуют: первичный бурный поток подробностей, корректируемый официальными реляциями государственного аппарата, затем мемуаристы раскрывают принципы технологий принятия решений. Наконец, из архивной пыли извлекаются ключевые документы, характеризующие смыслы процесса. Венчает процедуру создания образа подборка эпитетов, употребленных параграфами соответствующего раздела учебника и интонация лектора, формирующего отношение аудитории к предмету повествования.

В данном смысле вековой юбилей этапен. Плановый взрыв исследовательского интереса в соответствующем году позволяет без гнева и пристрастия откорректировать образ явления в духе основных тенденций развития общества. Причем столетие зачастую является возрастом, после которого

колебания оценок в поступательно развивающемся обществе минимизируется.

Судьба Первой мировой войны как объекта исследования в нашем Отечестве вышеприведенной схеме не соответствует. Благотворная юбилейная активность, признающая динамизм и структурирующая поиски мировоззренческих стандартов, всякий раз увязала в событиях текущей реальности. Не стал исключением и 2014 г. Ожидавшийся поток аналитики и обобщающих работ вновь не отвечал значимости событий столетней давности.

Тематика Первой мировой в контексте национальной исторической науки, как следствие, упорно не «взрослеет» и не спешит приобретать параметры, свойственные зрелости. Конкурирующие и подчас противоречащие друг другу трактовки и оценки сопровождают отдельные тематические сегменты и образ явления в целом.

Между тем осознанная обществом насущная потребность в полной, последовательной и предсказуемой истории очевидна и особенно касает-

ся формирования целостного образа грандиозного исторического процесса, породившего новейшую эпоху генезиса человечества и нашего социума.

Сложность задачи усугубляется мозаичностью абриса явления. Профессионалы, занимающиеся военными аспектами Первой мировой, в предшествующие годы немало потрудились над локальными разделами темы, но война, отдаленная на век, не имеет в глазах общества цельной концепции восприятия. Обычному и даже заинтересованному историческим прошлым гражданину трудно ориентироваться в событийной канве и смыслах, коль скоро историческая память не опирается на конкретные образы. Мемориалы той войны – эксклюзивная редкость, воссозданная буквально вчера и локализованная лишь в общенациональном пантеоне военной славы. Перо великих отечественных литераторов вскользь коснулось темы, навсегда уступившей художественное первенство «грозе двенадцатого года».

Кинематограф обращался к тематике эпизодически и только в сегодняшнем информационном потоке выдал три-четыре успешных проекта, повествующих об исполинском процессе сквозь призму личностного восприятия. Устное наследие угасло в условиях социального бессилия современников, и его остатки были уничтожены эпохальными переменами.

Потому даже академической аудиторией рассказ о войне, не имеющей устоявшегося единого названия, признанного социумом, воспринимается как интересная, но чужая история. В таких условиях для закрытия четырехлетней брешы в концепции национального мировосприятия необходимы

решительные усилия. Надо предоставить обществу смысловой ряд символов и фактов, стоящих выше профессиональной полемики, бесспорных и объединенных единой целью создания мировоззренческого прототипа.

Веком ранее труды в подобном ключе именовались «народной историей», они совмещали востребованность с общественной целесообразностью и восполняли дефицит знаний в любых отраслях. Полезное было начинание. Интересно, что подобная попытка создания основ адаптированной версии, апеллирующей к основам восприятия, состоялась, будучи приурочена к юбилейной дате и оказалась, как представляется, весьма успешной.

В 2014 г. увидело свет научно-популярное издание авторского коллектива столичных специалистов-гуманитариев и архивистов РГАСПИ – «Россия в Великой войне 1914-1918 годов. Образы и тексты» под редакцией А.К. Сорокина и А.Ю. Шутова [1]. Коллективный труд получился достойным внимания. Уже в постановке проблемы авторы точно определили степень исследованности темы, подчеркнув, что в России военный конфликт 1914-1918 годов не имеет общепризнанного названия. Действительно, в отличие от устоявшегося в партнерском лагере базового термина Великая война, национальная историографическая традиция не располагает единым определением смысла события, заключенным в названии. Пользуясь исследовательским правом, коллектив посвятил свой труд «Великой войне». Подобное именование не бесспорно, коль скоро в нашей исторической памяти данный эпитет традиционно принадлежит следующему мировому катаклизму. Но сама попыт-

ка дать собственное имя грандиозному процессу оправдана необходимостью.

Раздел «Начало», повествующий о причинах и характере войны, с подкупающей откровенностью и точностью указывает на множественность и сложнейшую взаимосвязь мотивов и поводов, повлекших беспрецедентное кровопролитие. Авторы констатируют неизбежность войны, но как бы дистанцируют российское государство и общество от основных зачинщиков действия. Такой подход, по сути, верен, ибо империя не сформулировала явной общенациональной цели ведения войны. Вступление в конфликт носило характер двоякой попытки защитить отживший внешнеполитический курс ветшающей элиты и не допустить чужой гегемонии над центром присущей цивилизации. Тем самым подчеркивается оборонительный характер для единственно великой державы, не грезвившей чужими землями и водами. Авторы грамотно ушли от рассуждений о желательном доминировании в зоне Черноморских проливов, поскольку данная цель даже национальную элиту занимала лишь частично, коль скоро контроль за Босфором был интересен лишь квазиюнкерской составляющей господствующих классов.

Таким образом, повествование о старте конфликта в рамках выдвигаемой становой концепции справедливо снимает ответственность за последствия с России. Всплеск чувства национального единства действительно объяснялся лишь насущной необходимостью противостоять чужой воле, но отнюдь не только договору элит. Данный информационный посыл весьма прагматичен. Обществу намекнули, что объективные обстоятельства ино-

гда заставляют народы действовать в духе Льюиса Кэролла, когда надо очень быстро бежать лишь для того, чтобы остаться на месте. Просто и естественно преподать такую жестокую историческую правду в популярном издании могут только мастера.

Раздел снабжен превосходной подборкой изображений главных действующих лиц и персонифицирует рубеж нового и новейшего времени. Широкое использование наивных, но ярких пропагандистских материалов точно передает эпохальную неразбериху, сумбур и крах рациональной логики.

Особого упоминания достойна любопытная деталь визуального ряда, где наравне с примерами лубочного искусства и официального портрета представлены уникальные изображения памятников декоративно-прикладного искусства. Уральские самоцветы и изделия из них ранее никогда не фигурировали в исторической литературе в качестве артефактов национальной пропаганды. Однако, как выяснилось, находили они и подобное применение.

Данью массовому читателю следует назвать раздел «Романовы в Великой войне». Образ последнего государя содействует просветительской миссии авторов, поскольку ангажирован широчайшей аудиторией. Последний Романов любил фотосъемку и позирование, оставив массу визуальных документов, чем авторы издания воспользовались для придания наглядности эпохальным событиям. Текст раздела объективен. Юбилейных восторгов по поводу личностных черт государя удалось избежать. Персонаж предстает не «хозяином земли русской», но посредственным военачальником и политиком, каковым, собственно, и являлся.

«Одиноким», по мнению составителей, монарх, не сумевший вкуче с предшествующим главнокомандующим сформулировать национальную стратегию ведения войны, был обречен. Романовы подстегнули прогресс социума и стали закономерной жертвой неизбежных эксцессов. Но обаяние императора в полной мере задействовали для создания внятного эскиза эпохи.

Раздел «Полководцы и герои», безусловно, представляет ценнейшую часть работы. Жанр проекта позволил наилучшим образом представить доблесть представителей великого народа в условиях бесперспективного, но неизбежного военного противостояния. Коллекция фотографических портретов заметно шире, чем в других изданиях подобного рода, как и номенклатура воинских отличий. Раздел служит священной и одновременно сугубо утилитарной задаче демонстрации непрерывности и непреложности ратного труда защитников родной земли вне зависимости от ее социальной и политической обустроенности. В повествовании содержится ряд оправданных напоминаний о достойном уровне оперативного искусства, присущего русской военной школе, и напоминание о том, что, невзирая на плачевный итог конфликта, целый ряд сражений имели победоносный характер.

Специалисты едва ли согласятся с утверждением о безусловном успехе русского оружия на просторах Балтики, приведенном в труде. Господство флота в стратегической акватории обычно не подразумевает необходимости развертывания многочисленных сухопутных контингентов в угрожаемых районах побережья,

имевшего место в реальных событиях. Да и опыт столкновения Балтфлота с существенной частью сил германских ВМС свидетельствовал об обратном положении вещей. Но лихость и профессионализм операций балтийцев действительно обильно формировали примеры для подражания. Общий посыл раздела верен и демонстрирует читателю одновременно мастерство и фатализм российского воинства в худших из возможных условий. Возвращение памяти о героях и сражениях, завершаемых триумфом над превосходящим противником, – одна из полезнейших составляющих рецензируемой работы.

Богатым иллюстративным материалом снабжено описание прецедента механизации войны. Часть иллюстраций относятся к раритетным и наглядно формируют представление об облике противостояния боевых машин. Читательский интерес, несомненно, вызовут описанные эпизоды химического противоборства и констатация научно-прикладного подвига во имя человечности, совершенного Н.Д. Зелинским. В разделе также затрагиваются проблемы совершенствования военной экономики Российской империи, умело передается технократический дух противоборства. Данная группа материалов явно и метко апеллирует к техническим увлечениям мужской части аудитории и способствует росту интереса к тематике Первой мировой.

Война и быт на линии фронта, а проще говоря, траншейное сидение «на фабрике смерти» по праву привлекает внимание составителей издания. До той поры человечество не знало чего-то более бессмысленного

и безысходного, чем окопная война. Миллионы людей ежедневно из месяца в месяц пребывали в грязи и смертельной опасности, вдыхали миазмы разложения и гнили, подчас ни разу не увидев противника. Траншея стала рабочим местом, обслуживание механизмов убийства рутинной обязанностью, смерть – повседневностью. Насекомые, эпидемии, каждодневный кошмар артиллерийских бомбардировок, крушащих психику, похоронили веру в прогресс. Европейцы лишились последнего божества, уцелевшего в мире нового времени. Вместе с остатками веры Европу покинул оптимизм, жизнелюбие и здравый рассудок. Рационализм жителя Старого Света пал под натиском снарядных потоков, своих и чужих. Чужие снаряды калечили уверенность в себе, ибо увечье или смерть, принесенные осколком, не зависели от храбрости и мастерства бойца, ждущего своей судьбы.

Военные психологи не случайно считают шок от нахождения в зоне артогня тягчайшим испытанием личностных параметров воина, уступающим лишь эффекту от воздушной бомбардировки. Фронтовики Великой войны сполна познали то и другое, навсегда похоронив энтузиазм в разорительном огне.

Работа своих батарей, миллионами разбрасывающих дорогостоящие изделия национальной промышленности, вызывала экономический шок от осознания цены огня. Бессмысленная трата несметных ресурсов и осознание их невосполнимости уничтожили веру в светлое завтра.

Война деградировала до состояния, когда военная мысль свелась к формуле, делящей размер очередной партии

снарядов на число квадратных километров, подлежащих обработке. Итогом уравнения было желательное количество смертей. Неизвестной величиной, полностью зависимой от развитости производительных сил, являлось время артподготовки. Выигрывал тот, кто, обездолив собственный народ, удлинит период огня. Причем выигрыш заведомо являлся пирровой победой.

Национальные элиты, предполагавшие лишь такой сугубо научный метод достижения частичных успехов, были обречены, тем более, что смысл двух-трех усвоенных политиками, генералами и промышленными бонзами не удалось скрыть от масс полубезумных, изможденных, но вооруженных людей.

Четкость формул, усвоенных в том числе окопниками, позволяла сравнительно точно определить дату окончания своей жизни. Эта новая истина стала «соломинкой, упавшей на верблюжий хребет». Армии начали разлагаться.

Надругательства элит над здравомыслием последовательно не выдержали войска России, Франции, Италии и Австро-Венгрии. Масштаб начавшихся кризисов был различен, причины – общими и неустраняемыми. В 1917 г. триумvirат траншеи, гаубицы и пулемета похоронил европейскую идею. Кровавый пролог, явившийся миру в окопной грязи, предопределил жуть XX в. Оставшись один на один с озверевшим миром, европейцы плодили химеры, дарящие иллюзию безопасности и покоя. Череда фашизмов и более умеренных систем преодоления фантомных болей сознания и реальных – желудка была прямым следствием мировой бойни и предшествовала новой. Люди, создавшие химеры, воспро-

извели затаившуюся военную скверну с закономерным результатом.

Ознакомление широкого читательского круга с феноменом окопного бытия – обязательное условие для понимания дальнейшей полувековой истории человечества, что обуславливает важность соответствующего раздела в оцененном произведении. Наличие документов не позволили составителям обойти вниманием судьбы военнопленных обоих противостоящих лагерей, что, учитывая размах явления, представляется вполне целесообразным.

Не меньшее значение для полного восприятия дальнейших исторических превратностей имеет демонстрация состояния дел в тылу. Истоки революционной ситуации иллюстрируются, в том числе, в гендерной интерпретации. Кардинальное изменение роли женщин в структуре социума, произошедшее по итогам Великой войны, в произведении очерчено наглядно и полностью обосновывает дальнейший демонтаж традиционной сегрегации. Демонстрируются этапы и масштаб разрушения привычного социального уклада и безальтернативность радикальных перемен в основах функционирования упорядочивающих общество механизмов.

Раздел «Пусть не молчат поэты» представляет собой летопись культурного эха эпохальных событий. Составители не упустили, кажется, ни единого литературного упоминания о войне, записанного кириллицей. Противоречивость исторического периода и мощь воздействия его процессов на интеллектуальную жизнь России отражены в главе рельефно и многогранно. Свидетельства гения А. Блока со-

седствуют с репортерскими оценками литераторов второго и третьего эшелона, очерчивая масштаб культурного шока от случившегося. Вечную разногласию мнений в творческой среде демонстрирует полемика целеустремленной и патриотической лирики Н. Гумилева в сопоставлении со смятением М. Цветаевой, оплакивающей крушение собственных представлений о Германии.

В любом случае, обращение к авторитету узнаваемых читателем имен способствует дешифровке общего смысла и подробностей минувших событий. Тщательность подборки многочисленных материалов живописует тотальность явления, поглотившего помыслы общества.

Глава «Закат», без прикрас основываясь на предшествующей доказательной базе, повествует о выходе России из войны и последствиях этого шага. Тон раздела подобающе сдержан, он позволяет точно перечислить факты, рассмотрев причинно-следственные связи в структуре происшедшего. В изложении материала отсутствуют как истерика по поводу «удара ножом в спину накануне войны», так и восторги по поводу нарождающегося нового мира. Думается, так и следует завершать описание величайшей на тот момент трагедии национальной истории – спокойно, деловито и по существу. Такой подход сохранил за наукой – жизнеучителем – присущие функции, но позволил органично сблечь нотки мировоззренческого оптимизма целевой аудитории и продемонстрировать непрерывность и диалектичность цивилизационных процессов.

Дополнительные материалы в разделе «Память о войне» символично ма-

лочисленны. Четыре страницы, посвященные мемориалам Первой Мировой – лучшее доказательство необходимости и злободневности труда, проделанного научным коллективом авторов с целью ликвидации очередного белого пятна национальной памяти.

Далее следует многочисленная и достойная пристального внимания подборка фотокопий архивных документов. В приведенном перечне имеются материалы, интересные специалистам, профессионально занимающимся изучением периода.

Несомненно, подарком для искушенных явятся протоколы подсчета голосов членов ЦК по вопросу заключения мира в Брест-Литовске и материалы, освещающие ход переговоров советской делегации с представителями Четверного союза.

Наличие завершающего раздела определенно делает произведение уни-

версальнее первоначального авторского замысла. Следует высоко оценить труд авторского коллектива, энергично и своевременно приступившего к ликвидации информационных пустот в национальной истории. Отметить сбалансированность составительской концепции, обращенной к общественной пользе, и пожелать скорого и решительного увеличения тиража издания при одновременном снижении цены за единицу, что позволит производству пополнить полки школьных библиотек и тем исполнить предопределенную просветительскую функцию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Россия в Великой войне 1914-1918 годов. Образы и тексты / Под общ. ред. А.К. Сорокина, А.Ю. Шутова; авт.-сост. К.М. Андерсон, Б.С. Котов, С.В. Перевезенцев, А.В. Репников, А.А. Шириняц, А.Ю. Шутов. М.: РОССПЭН, 2014. 279 с.: ил.